

Оригинальная статья / Original article

УДК 343.01

<https://doi.org/10.21869/2223-1501-2025-15-1-112-121>

Историческая смена научных парадигм и состав преступления

Е.А. Соловьева¹✉

¹ Пермский государственный национальный исследовательский университет
ул. Букирева, д. 15, г. Пермь 614068, Российская Федерация

✉ e-mail: solovevapsu@yandex.ru

Резюме

Актуальность. В последнее десятилетие вектор исследований в науке поменялся с частных вопросов на фундаментальные и междисциплинарные. По этой причине в уголовно-правовой науке ученые все чаще стали обращаться к основополагающим категориям, к которым традиционно относятся преступление и состав преступления. Современные дискуссии о составе преступления (сущности, структуре, признаках и т.д.) обуславливают необходимость вернуться к истокам формирования этой категории и установить детерминанты, под воздействием которых происходило изменение ее содержания.

Целью исследования является обоснование зависимости содержания фундаментальной категории «состав преступления» от научной парадигмы.

Задачи: проанализировать и сопоставить историческую смену научных парадигм и модификацию категории «состав преступления» в науке уголовного права; выявить особенности понимания состава преступления в определенный период времени.

Методология. При проведении исследования в основу был положен исторический метод, позволивший установить связь между научной парадигмой, преобладающей на том или ином этапе развития уголовно-правовой науки, и пониманием состава преступления. Кроме того, были задействованы и другие общенаучные методы (анализ, синтез, индукция, дедукция).

Результаты. В исследовании доказано, что с развитием теории познания, а именно с изменением способа мышления, модифицируется и понятие состава преступления.

Вывод. Историческая смена типов мышления (преобладающего философского метода познания) позволила сначала перенести состав преступления из плоскости процессуальной в материальную, после объединить субъективное и объективное в нем, а затем перейти от совокупности субъективных и объективных признаков реального явления к некой информационной модели, описывающей сложноструктурное преступление.

Ключевые слова: состав преступления; метод познания; научная парадигма; история; преступление.

Конфликт интересов: Автор декларирует отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.

Для цитирования: Соловьева Е.А. Историческая смена научных парадигм и состав преступления // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2025. Т. 15, № 1. С. 112–121. <https://doi.org/10.21869/2223-1501-2025-15-1-112-121>.

Поступила в редакцию 27.11.2024

Принята к публикации 27.01.2025

Опубликована 26.02.2025

© Соловьева Е.А., 2025

Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право / Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law. 2025;15(1):112-121

Historical change of scientific paradigms and the composition of the offence

Elena A. Soloveva¹ ✉

¹Perm State National Research University,
15 Bukireva Str., Perm 614068, Russian Federation.

✉ e-mail: solovevapsu@yandex.ru

Abstract

Relevance. In the last decade, the focus of scientific research has shifted from specific issues to fundamental and interdisciplinary ones. For this reason, scholars in criminal law increasingly turn to fundamental categories, traditionally including crime and the elements of a crime. Modern discussions on the elements of a crime (its essence, structure, characteristics, etc.) necessitate a return to the origins of this category's formation and an analysis of the determinants that influenced changes in its content.

The purpose of this study is to justify the dependence of the content of the fundamental category of "elements of a crime" on the scientific paradigm.

Objectives: To analyze and compare the historical shifts in scientific paradigms and the modifications of the category of "elements of a crime" in criminal law science; to identify the specific features of understanding the elements of a crime in a given historical period.

Methodology. The study is based on the historical method, which made it possible to establish a connection between the prevailing scientific paradigm at a certain stage in the development of criminal law science and the understanding of the elements of a crime. Additionally, other general scientific methods were used, including analysis, synthesis, induction, and deduction.

Results. The study has proven that with the development of the theory of knowledge, specifically with changes in modes of thinking, the concept of the elements of a crime has also evolved.

Conclusion. The historical changes in types of thinking (the prevailing philosophical method of cognition) initially led to the transfer of the elements of a crime from the procedural to the substantive domain. Later, it facilitated the integration of subjective and objective aspects within it and ultimately transitioned from a set of subjective and objective characteristics of a real phenomenon to an informational model that describes a complexly structured crime.

Keywords: elements of a crime; method of cognition; scientific paradigm; history; crime.

Conflict of interest: The Author declare the absence of obvious and potential conflicts of interest related to the publication of this article.

For citation: Soloveva E.A. Historical change of scientific paradigms and the composition of the offence. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo = Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law.* 2025;15(1):112–121. (In Russ.) <https://doi.org/10.21869/2223-1501-2025-15-1-112-121>.

Received 27.11.2024

Accepted 27.01.2025

Published 26.02.2025

Введение

Преступление – это одна из фундаментальных категорий, используемых в уголовно-правовой науке, которая обозначает в самом общем виде виновно совершенное общественно опасное противоправное поведение человека, наказуемое по уголовному закону. Многие уче-

ные, занимавшиеся уголовно-правовыми проблемами, исследовали это явление и применяли совокупность методов познания, преобладавшую в определенный период времени, для ответов на такие важные вопросы, как понятие, сущность, структура, признаки преступления и др. Благодаря применению традиционных

методов эмпирического и теоретического познания в науке накапливалось все больше и больше знаний об этом явлении: выстраивался понятийный аппарат, формулировались новые категории, касающиеся преступления и его составляющих, которые в последующем на уровне теоретического познания сами становились предметом исследования. Так, в XVI в. наряду с понятием «преступление» появился термин «состав преступления», содержание которого остается и по сей день самым неоднозначным в уголовном праве.

Методология

В основу исследования положен исторический метод, с помощью которого автор прослеживает существенное изменение устоявшихся в науке уголовного права представлений о составе преступления после появления и распространения новых для определенного времени философских концепций о познании мира. Методы анализа, синтеза, индукции и дедукции позволили сформулировать выводы.

Результаты и их обсуждение

Изначально *corpus delicti* (с лат. корпус, остов¹ проступка, правонарушения²) употреблялся исключительно в процессуальном смысле³. В литературе приписывают заслугу выведения этого термина итальянскому криминалисту Farinacius, который в 1581 г. в своем сочинении «*Variae quaestiones et communes opiniones*» на основе термина *constare de delicto* вы-

вел термин *corpus delicti* и использовал его в значении «доказанные преступные факты»⁴. Немецкие криминалисты переводили его как *thatbestand*, т. е. внешняя сторона преступления³. Вся совокупность неопровержимых внешних материальных следов преступления (позже улики, ныне именуемых доказательствами, свидетельствующими о достаточном подтверждении факта совершения лицом преступления) являлась *corpus delicti*. Так, например, для убийства составом признавали наличие следов крови на обвиняемом, обнаруженном на месте преступления, оружия причинения смерти с отпечатками пальцев виновного, тело убитого и пр.

В конце XVIII – начале XIX в. поменялся смысл данного термина. Это произошло благодаря активному развитию науки философии в России и за рубежом. В указанный период появились значительные философские системы в рамках немецкого идеализма. Речь идет прежде всего о трансцендентальной философии И. Канта и абсолютном идеализме Г.Ф.В. Гегеля. Эти философские учения отвечали на многие онтологические вопросы, в том числе и права. Как справедливо отмечают Р.Р. Галиакбаров, А.В. Шульга и А.В. Сокол, «является бесспорным тот исторический факт, что на протяжении столетий многие русские ученые-юристы обучались за границей, чаще всего оканчивали немецкие университеты» [1, с. 20]. Таким образом, философское мировоззрение дореволюционных отечественных ученых, занимающихся проблематикой уголовного права, напрямую влияло на понимание состава преступления.

Ученые едины во мнении, что впервые материально-правовое понятие состава преступления ввел в теорию уго-

¹ Дворецкий И.Х. Латино-русский словарь: ок. 50 000 слов. М.: Рус. яз., 1986. С. 203.

² Там же. С. 232.

³ Кистяковский А.Ф. Элементарный учебник общего уголовного права. Т. I. Общая часть. Киев: В Университетской тип., 1875. С. 59.

⁴ Спасович В.Д. Учебник уголовного права. Т. 1. СПб.: Тип. И. Огризко, 1863. С. 89.

ловного права немецкий криминолог П.И.А. фон Фейербах [2, с. 53–61], воспитанный на философии И. Канта.

Так, П.И.А. фон Фейербах, развивая учение о *corpus delicti*, в своих трудах отождествлял его с совокупностью признаков человеческого дела и происхождения, которые содержатся в законном понятии об определенном роде противоправных деяний [3, с. 78–79]. Согласимся с А.Ю. Ширяевым в том, что «во-первых, состав преступления, по П.И.А. Фейербаху, определяет только “особенное деяние”, которое запрещено нормой объективного права, то есть деяние, состав которого описан в позитивной (Особенной) части уголовного права. Во-вторых, состав преступления – совокупность признаков, имеющих объективное выражение, то есть объективируемых, проявляющихся фактически, познаваемых и доказываемых как факт объективной действительности» [2, с. 56]. Таким образом, в концепции состава преступления П.И.А. Фейербах оставлял за его рамками субъективную сторону. Такое понимание состава преступления было определено кантианским учением о противопоставлении субъективного и объективного, феноменального и ноуменального, сознания и внешней объективной реальности и, как следствие, морального и легального. Как известно, определение нелегальности поступка И. Кант связывал «с механической деятельностью полиции, которая считается только с тем, что совершают, нисколько не интересуясь побудительными причинами совершаемого» [4, с. 488]. Справедливости ради отметим, что П.И.А. Фейербах при всей объективности состава преступления не допускал уголовной ответственности без вины, что и послужило основой для дальнейшей критики его концепции состава преступления.

Последующую трансформацию понятия «состав преступления» можно связать с развитием в 30-е годы XIX века учения Г.В.Ф. Гегеля, согласно которому поступок человека выражает единство внутреннего и внешнего, субъективного и объективного [5, с. 55]. Эти идеи больше импонировали российским ученым, нежели мысли, высказанные И. Кантом [6, с. 26], что отразилось на понимании отечественными учеными состава преступления. Так, в размышлениях отечественных дореволюционных ученых о составе преступления всегда подчёркивалась взаимосвязь и единство его субъективных и объективных признаков¹, при этом делался акцент на том обстоятельстве, что без субъективной стороны и субъекта нет состава преступления². Следовательно, смена научной парадигмы повлияла на объединение субъективного и объективного в составе преступления.

В первой половине XIX в. в мире начал свое становление юридический позитивизм (И. Бентам, Дж. Остин), основная идея которого заключалась в придании особого значения нормам права как продукта человеческой воли. При этом в России влияние этого течения возросло лишь на рубеже XIX–XX вв. Позитивизм дал мощный толчок для развития в юриспруденции XX в. нормативизма, одним из разработчиков которого был Г. Кельзен, считающий, что право не вписывается в общую систему наук, раскрывающих причинно-следственные связи в действительности, но по онтологическому статусу оно приравнено к ним [7, с. 70]. Важно отметить, что сам

¹ Кистяковский А.Ф. Элементарный учебник общего уголовного права. Т. I. Общая часть. Киев: В Университетской тип., 1875. С. 59.

² Неклюдов Н.А. Общая часть уголовного права. СПб.: Рус. кн. торговля., 1875. 192 с.

Г. Кельзен был убежден в том, что каждый правовой акт в первую очередь относится «к царству природы», поэтому любое правоотношение содержит в себе два элемента: происходящий во времени и в пространстве чувственно воспринимаемый акт или ряд актов, внешний ход человеческого поведения; его правовое значение, которое он имеет в силу права [8, с. 13]. Таким образом, появилась целая методология нормативизма, при которой состав преступления стал пониматься как схема, конструкция, присущая именно и прежде всего праву.

В этот период многие отечественные ученые, придерживающиеся теории «чистого учения о праве», в своих работах приводили цитаты основоположника нормативистского учения о составе преступления Э. фон Белинга, который, делая главный вывод о природе состава преступления, полагал, что состав принадлежит только закону, а не реальной действительности. Отметим, что советская наука сильно критиковала учение Г. Кельзена о «чистом праве» за отрыв правовой нормы от ее правоприменителя, и в целом поставленная перед учеными-правоведами задача обоснования существенных отличий буржуазного права от советского предопределила особое понимание права и нормативизма. Появился даже собственный термин, обозначающий эту теорию, – «советский легизм». Поэтому, говоря о нормативистском учении в России, следует помнить об особенностях: поначалу состав искали не в нормах права, а именно в нормах закона. Следовательно, ученые-нормативисты так или иначе приходили к выводу, что состав преступления – некая совокупность «установленных уголовным законом объективных и субъективных признаков, характеризующих общественно опасное деяние в качестве конкретного преступления» [9, с. 7], подчеркивая, что

состав существует лишь в правовой материи. Иными словами, именно с появлением нормативизма состав преступления стал мыслиться как чисто законодательная конструкция, хотя до этого времени он представлял собой абстрактное понятие, существующее в сознании человека, касающееся преступления (реального явления), без указания на его содержание в законе.

Параллельно с этими философскими течениями, отличающимися особым типом мышления, возникает и учение К. Маркса, который, пересмотрев учение Г.Ф.В. Гегеля и предшествовавших философов, по-новому определил отношение сознания к бытию: сознание – это свойство материи, которое способно отражать существующий мир, в этом смысле сознание и бытие изначально и субстанционально тождественны. В связи с этим идеальное является материальным, преобразованным в человеческой мысли и воплощенным в язык – идеальную реальность. Это идеальное вторично и необходимо для описания реальных явлений мира.

Советская наука достаточно сильно находилась под влиянием учения К. Маркса, что, безусловно, отразилось на понимании категории состава преступления. Так, например, А.Н. Трайнин прямо указывал, что марксистская методология дает ключ к правильному разрешению вопроса о составе преступления [10, с. 36]. Позже и М.И. Ковалев писал, что «он (марксистский, диалектический метод) [пояснения наши. – Е.А.] должен пронизывать каждый вывод и каждое научное суждение»¹. Более того, цитаты К. Маркса в исследованиях признавались «тяжелой артиллерией», в связи с чем со-

¹ Ковалев М.И. Советское уголовное право. Курс лекций. Вып. 1. Введение в уголовное право. Свердловск: Свердл. юрид. ин-т, 1971. 143 с.

ветские ученые достаточно активно пытались свою научную работу обосновать с позиции марксистской философии. По К. Марксу, право – надстройка, необходимая для урегулирования общественных отношений. Метод восхождения от конкретного к абстрактному, используемый К. Марксом в своих рассуждениях, и приводит его «учеников» при исследовании состава преступления к тому, что он (состав преступления) – всегда конкретен и неотъемлемым образом связан с явлением реальной действительности, а его форма закрепления в законе вторична. Следовательно, некоторые советские ученые стали придерживаться точки зрения, согласно которой состав преступления есть явление реальной действительности, и законодатель лишь описывает признаки, которые существуют объективно. Иными словами, новая научная парадигма того времени повлияла на изменение понятия состава преступления, который стали связывать не с законом, а с реальным преступлением.

Вместе с тем определять состав преступления через основную структуру (ядро) преступления стали позже. Эта идея принадлежит Н.Ф. Кузнецовой¹, на взгляды которой сильно повлияли работы А.Н. Трайнина. К числу современных ученых, которые придерживаются такого понимания, можно отнести, например, Н.А. Бабия [11, с. 106].

Отметим, что некоторые исследователи, пытаясь примирить эти две концепции состава преступления, заключали, что состав преступления может пониматься в двух смыслах: как факт объективной действительности и юридического основания [12, с. 8–9]. Однако одно понятие не может иметь двух значений и

описывать совершенно два разных по своей сути явления (явление в праве и в объективной действительности), по этой причине такой подход не получил поддержки со стороны ученых.

Но вернемся к истории появления методов познания. Параллельно с вышеуказанными методами развивался и системный метод исследования действительности. Конечно, его зачатки можно обнаружить уже у античных классиков – в диалогах Платона и трактатах Аристотеля. Однако как сформированное полноценное учение системный метод возникает только в XIX в. Ф.К. фон Савиньи писал: «Я усматриваю суть систематического метода в познании и изложении внутренней связи или сродства, благодаря которой отдельные правовые понятия и правовые нормы объединяются в одно великое Единство» [18, с. 267]. Отметим, что системный метод особенно повлиял на формирование китайского учения о составе преступления, которое получило название «системная теория состава преступления» [22, с. 265].

Чуть позже, во второй половине XIX в., на основе системного метода познания в науке стало развиваться учение о моделировании. Первым, кто представил систематическое диалектико-материалистическое изложение метода моделирования, можно назвать В.А. Штоффа, хотя сам он приписывает заслугу изобретения этого метода Демокриту, Эпикуру, Н. Копернику и др. [25, с. 3] В.А. Штофф, рассматривая модель в узком значении (относящееся к области человеческого познания, методов, средств и форм отображения человеком внешнего мира), определял ее как мысленно представляемую или материально реализованную систему, которая, «отображая или воспроизводя объект исследования, способна замещать его так, что ее изучение дает

¹ Кузнецова Н.Ф. Проблемы квалификации преступлений: Лекции по спецкурсу «Основы квалификации преступлений». М.: Городец, 2007. С. 11.

нам новую информацию об объекте» [15, с. 19].

Сегодня под моделью понимают упрощенный образ реального объекта (процесса, системы), создаваемый для исследования его характеристик, которые нас интересуют в данный момент. Теория моделирования подкупает своей пригодностью для устранения «пропасти» между реальным и идеальными мирами при изучении предмета исследования, поскольку суть ее сводится к следующему: «1) между моделью и оригиналом имеется отношение сходства, форма которого явно выражена и точно зафиксирована; 2) модель замещает изучаемый объект; 3) изучение модели позволяет получать информацию об оригинале» [16, с. 31].

При помощи данного метода ученые в области уголовного права стали определять состав через модель, формулируемую на основании уголовного закона, практики его применения, научного анализа признаков преступления [17, с. 11].

Современная философия и теория права не статичны, появляются новые учения о методах познания. Так, в середине XX в. за рубежом, а после и в отечественной науке возникло феноменологическое учение о праве, в рамках которого идеальное и реальное в праве не противопоставляются, а находятся в неразрывном единстве, взаимообусловленности, поскольку сущность права проявляется только в реальных феноменах. Данное учение использует собственный феноменологический метод, центральным понятием которого является «интенциональность» (направленность на объект) познающего сознания. Представляется, что этот метод познания применяется и учеными уголовно-правовых дисциплин. Например, Д.В. Мирошниченко при исследовании таких категорий, как преступление, общественная опасность, огромное значение придает именно их

социальному смыслу [18, с. 57–60], хотя сам состав преступления с позиций феноменологии не рассматривает. При применении феноменологического метода познания к категории состава преступления, думается, акцент будет смещен с законодательной роли определения состава преступления к правоприменителю. Таким образом, появление нового метода познания позволяет под другим углом взглянуть на привычное всем явление (правовую категорию), получив новые знания о нем.

Безусловно, наука не коллекционирует знания. В том случае, когда обоснованные научные представления о том или ином явлении становятся теорией, признаваемой большинством ученых, ей интересуются и практики, исключение не составляют и концепции уголовного права, в том числе и учение о составе преступления. После относительного консенсуса в теории права о понятии, количестве элементов, признаках состава законодатель стал использовать этот термин и в законе, хотя до сих пор им понятие состава преступления не раскрывается.

Как было отмечено выше, о составах преступлений, закрепленных в уголовном законе, стали говорить с советского времени. Так, Н. Дурманов писал, что «до издания Уголовного кодекса (далее – УК) РСФСР 1922 г. советское уголовное законодательство конкретно определяло лишь часть составов преступлений» [19, с. 199]. Остальные составы преступлений в период 1917–1921 гг. формулировала и советская судебная практика [19, с. 200]. Так, по его мнению, инструкция для составления отчетности губревтрибуналами, утвержденная Единым Верховным трибуналом при ВЦИК 21 августа 1921 г., определяла перечень составов преступлений, выработанных судебной практикой. Следовательно, в этот период состав преступления не связывали с уголовно-

правовой нормой и законодательной волей.

В УК РСФСР 1922 г. термин «состав преступления» не использовался¹, хотя в п. 5 ст. 4, ст. 320, п. 3 ст. 326 Уголовно-процессуального кодекса (далее – УПК) РСФСР 1923 г. эта категория упоминалась: при отсутствии в действиях лица состава преступления дело подлежало прекращению, а обвиняемый освобождению². В последующих редакциях уголовно-процессуального закона³, включая и современный Уголовно-процессуальный кодекс РФ (подп. 2 п. 1 ст. 24, подп. 3 п. 2 ст. 302, п. 8 ст. 335 УПК РФ)⁴, сохранилось употребление термина «состав преступления».

Что касается материального права, то впервые законодатель закрепил термин «состав преступления» лишь в ст. 16 Закона СССР от 25 декабря 1958 г. «Об утверждении Основ уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик»⁵. Чуть позже был продублирован этот термин и в ч. 2 ст. 6 УК РСФСР

1960 г.⁶, где указывалось, что деяния, совершенные до вступления в силу закона, устраняющего преступность деяния, считаются не содержащими состава преступления. Кроме того, о составе преступления шла речь и в ст. 16, и в примечании к ст. 77.2 УК РСФСР.

Упоминание в уголовном законе Российской Федерации 1996 г. в ст. 8 термина «состав преступления» обязывает ученых, правоприменителей исследовать эту фундаментальную категорию по сей день.

Выводы

Таким образом, исходя из исторического анализа генезиса состава преступления, можно сделать вывод, что формирование воззрений ученых на понятие «состав преступления» обусловлено спецификой их философских взглядов, в том числе на теорию познания и применение того или иного метода познания. Историческая смена типов мышления (преобладающего философского метода познания) позволила сначала перенести этот термин из плоскости процессуального права в материальное, после объединить субъективное и объективное в составе преступления, а затем перейти от совокупности субъективных и объективных признаков реального явления к некой информационной модели, описывающей сложноструктурное преступление. Представляется, что с развитием теории познания, а именно с изменением способа мышления, модифицируется и понятие «состав преступления».

¹ О введении в действие Уголовного кодекса Р.С.Ф.С.Р.: постановление ВЦИК от 1 июля 1922 г. // Собр. узаконений РСФСР. 1922. № 15, ст. 153.

² Об утверждении Уголовно-процессуального кодекса Р.С.Ф.С.Р.: постановление ВЦИК от 15 февр. 1923 г. // Известия ВЦИК. 1923. № 37.

³ Об утверждении Основ уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик: закон СССР от 25 дек. 1958 г. // Свод законов СССР. 1990. Т. 10. С. 577.

⁴ Уголовно-процессуальный кодекс РФ: федер. закон от 18 дек. 2001 г. № 174-ФЗ // Консультант Плюс: сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/ (дата обращения: 12.11.2024).

⁵ Об утверждении Основ уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик: закон СССР от 25 дек. 1958 г. // Ведомости Верховного Совета СССР. 1959. № 1, ст. 6.

⁶ Уголовный кодекс РСФСР от 27 окт. 1960 г.: [утв. Верховным Советом РСФСР: ред. от 30.07.1996] // КонсультантПлюс: сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_2950/ (дата обращения: 12.11.2024).

Список литературы

1. Галиакбаров Р.Р., Шульга А.В., Сокол А.В. Учение о составе преступления в дореволюционной России // *Общество и право*. 2020. № 1 (71). С. 20–26.
2. Ширяев А.Ю. Учение о составе преступления в прагматической концепции уголовного права П.А. Фейербаха // *Российское право: образование, практика, наука*. 2022. № 6. С. 53–61. https://doi.org/10.34076/2410_2709_2022_6_53.
3. Фейербах П.И.А. Уголовное право. Кн. 1. СПб.: В медицинской тип., 1810. 144 с.
4. Кант И. Критика практического разума // *Собрание сочинений: в 6 т. Т. 4, ч. 1*. М.: Мысль, 1965. 544 с.
5. Гегель Г. Философия права. М.: Мысль, 1990. 524 с.
6. Коробеев А.И., Лун Ч. Философские основы учения о четырехэлементном составе преступления // *Современное право*. 2010. № 2. С. 25–28.
7. Масленников Д.В., Ревнов Б.А. Основная норма Г. Кельзена и ее естественно-правовое обоснование // *Юридическая мысль*. 2022. № 1 (125). С. 69–80. <https://doi.org/10.47905/MATGIP.2022.125.1.006>.
8. Дидикин А.Б. Философия права Ганса Кельзена. М.: Проспект, 2021. 208 с.
9. Турышев А.А. Состав преступления. Омск: Омск. акад. МВД России, 2020. 104 с.
10. Трайнин А.Н. Учение о составе преступления. М.: Юрид. изд-во Минюста СССР, 1946. 185 с.
11. Бабий Н.А. Учение о структуре и составе преступления: монография: в 2 кн. Кн. I. Понятие структуры и состава преступления. М.: Юрлитинформ, 2019. 424 с.
12. Кригер Г.А. Состав преступления и его значение // *Советская юстиция*. 1982. № 6. С. 7–8.
13. Савиньи Ф.К. фон. Система современного римского права. Т. I. М.: Статут, 2011. 510 с.
14. Учение о составе преступления в уголовном праве России и Китая. Сравнительно-правовое исследование. СПб.: Юридический центр Пресс, 2009. 549 с.
15. Штофф В.А. Моделирование и философия. М.: Наука, 1966. 303 с.
16. Поляков С.Э. Концепты и другие конструкции сознания. СПб.: Питер, 2017. 624 с.
17. Борисов В., Пашенко А. К вопросу о сущности уголовно-правовой характеристики преступлений // *Уголовное право*. 2005. № 3. С.11–13.
18. Мирошниченко Д.В. Феноменология преступления // *Ученые труды Российской академии адвокатуры и нотариата*. 2021. № 3 (62). С. 57–60.
19. Дурманов Н.Д. Понятие преступления. М.: Изд-во акад. наук СССР, 1948. 315 с.

References

1. Galiakbarov R.R., Shul'ga A.V., Sokol A.V. The doctrine of the composition of crime in pre-revolutionary Russia. *Obshchestvo i pravo = Society and Law*. 2020;(1):20–26. (In Russ.)
2. Shiryayev A.YU. The doctrine of the composition of crime in the pragmatic concept of criminal law by P.A. Feuerbach. *Rossiiskoe pravo: obrazovanie, praktika, nauka = Russian law: education, practice, science*. 2022;(6):53–61. (In Russ.) https://doi.org/10.34076/2410_2709_2022_6_53.
3. Feierbakh P.I.A. Criminal law. Book 1. St. Petersburg: V meditsinskoi tip., 1810. 144 p. (In Russ.)

4. Kant I. Criticism of practical reason. *Sobranie sochinenii = Collected works*. Vol. 4, pt. 1. Moscow: Mysl'; 1965. 544 p. (In Russ.)
5. Gegel' G. Philosophy of law. Moscow: Mysl'; 1990. 524 p. (In Russ.)
6. Korobeev A.I., Lun Ch. Philosophical foundations of the doctrine of the four-element composition of crime. *Sovremennoe pravo = Modern law*. 2010;(2):25–28. (In Russ.)
7. Maslennikov D.V., Revnov B.A. The basic norm of G. Kelsen and its natural law justification. *Yuridicheskaya mysl' = Legal thought*. 2022;(1):69–80. (In Russ.) <https://doi.org/10.47905/MATGIP.2022.125.1.006>
8. Didikin A.B. *Filosofiya prava Gansa Kel'zena*. Moscow: Prospekt; 2021. 208 p. (In Russ.)
9. Turyshev A.A. The composition of the crime. Omsk: Omsk. akad. MVD Rossii; 2020. 104 p. (In Russ.)
10. Trainin A.N. The doctrine of the composition of the crime. Moscow: Yurid. izd-vo Minyusta SSSR; 1946. 185 p. (In Russ.)
11. Babii N.A. The doctrine of the structure and composition of crime: monograph. Book I. The concept of structure and composition of crime. Moscow: Yurlitinform; 2019. 424 p. (In Russ.)
12. Kriger G.A. The composition of the crime and its significance. *Sovetskaya yustitsiya = Soviet justice*. 1982;(6):7–8. (In Russ.)
13. Savin'i F.K. fon. The system of modern Roman law. Vol. I. Moscow: Statut; 2011. 510 p. (In Russ.)
14. The doctrine of the corpus delicti in the criminal law of Russia and China. Comparative legal research. St. Petersburg: Yuridicheskii tsentr Press; 2009. 549 p. (In Russ.)
15. Shtoff V.A. Modeling and philosophy. Moscow: Nauka; 1966. 303 p. (In Russ.)
16. Polyakov S.E. Concepts and other constructions of consciousness. St. Petersburg: Piter; 2017. 624 p. (In Russ.)
17. Borisov V., Pashchenko A. On the issue of the essence of the criminal law characteristics of crimes. *Ugolovnoe pravo = Criminal Law*. 2005;(3):11–13. (In Russ.)
18. Miroshnichenko D.V. The phenomenology of crime. *Uchenye trudy Rossiiskoi akademii advokatury i notariata = Scientific Proceedings of the Russian Academy of Law and Notary*. 2021;(3):57–60. (In Russ.)
19. Durmanov N.D. The concept of crime. Moscow: Izd-vo akademii nauk SSSR; 1948. 315 p. (In Russ.)

Информация об авторе / Information about the Author

Соловьева Елена Александровна, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного права и прокурорского надзора, Пермский государственный национальный исследовательский университет, г. Пермь, Российская Федерация,
e-mail: solovevapsu@yandex.ru,
ORCID: 0000-0003-0076-0811

Elena A. Soloveva, Candidate of Sciences (Juridical), Associate Professor, Associate Professor of the Department of Criminal Law and Prosecutor's Supervision, Perm State National Research University, Perm, Russian Federation,
e-mail: solovevapsu@yandex.ru,
ORCID: 0000-0003-0076-0811